

ЭКРАН И СЦЕНА

7 ноября

-с. 18-9

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Евг. ГАБРИЛОВИЧ

КЛОЧКИ

Вообще-то он не любил Ленина и с каждым переизданием все больше; но восхвалял все пуще и горячее. Потом был ссапан за двусмысленность отзывов о правительстве в компании закадычных друзей, посажен и испытан очарование лесоповалов.

Ныне учебники его, изъев устаревшее, переиздают другие. Естественно, не под его фамилией.

— Слушай, а кто они?
— Кто?
— Там, наверху?
— Где наверху?
— На самом-самом? Ты их различаешь? Нет? И я нет. И никто, все на одно лицо.

— Тебе-то что?
— Откуда они? Почему эти, а не другие? Ведь столько умных кругом. Все понимают и обо всем говорят! Вот бы кого наверх. А то тасуют одно и то же. Одна колода!

— А ты-то при чем?
— А может, лучше не из колоды? А? Чтобы их друг от друга распознавать. Хоть по ушам на галстуках.

— Поменьше болтай! Тебе как — больше всех нужно? — спросил журналист Семенович, сотрудник газеты «Трудовая инициатива».

— Нет, не согласен я с Горбачевым, что наш человек меняется, — сказал Семенович. — Наш человек приучен начаться. Качнут в одну сторону — начнется туда. Качнут в другую — начнется в другую. Вот так и качается. А сколько же было тех, кто начал! И всех он любил, раздирал на груди рубаху. Однако, по правде, любил ли кого из них? Говорю, как свидетель: нет! Качался. Кланялся, если хочешь жить! Порой до земли, а придется — и носом в землю!
— Ну и поклонись! Тебе что — земли жалко?

— Теперь, когда я стал в полной мере старик, когда туснеет (и привирает) память, я понимаю, сколько же я повидал всего, о чем так и не написал, — начал, вылив рюмку, Семенович. — Вот, к примеру, о человечестве. Подумай, к чему только не звали нас!

— Ладно, оставим это, — призвал Викентийч. — Ты помнишь Федоркина?
— Чем только не приманивали, — сказал Семенович. — Звали к добру, к честности, труду, правде...

— Так этот Федоркин, подумай, женился на семнадцатилетней, — прервал Викентийч.

— ...к правде, сердечности, любви к людям, — сказал Семенович. — А я вот недавно читал про Нечаева — был такой революционер черт-те когда на Руси. Так этот Нечаев...

— Конечно, она ему изменила, — вставил Викентийч, — ушла от него. Ну подожди, помыслился и снова женился. На девятнадцатилетней. Выпьешь?

Выпили.

— Так этот Нечаев, — сказал Семенович, — писал, что в борьбе оправдано все: ложь, клевета, шантаж, подлость, убийство, шпионство. И знаешь, о чем я думаю?

— И ведь, представь, обернулось так, — сказал Викентийч, — что и эта ему изменила — девятнадцатилетняя. И эта ушла. Обождал и опять женился.

— И знаешь, о чем я думаю, — повторил Семенович. — А что, если бы нравственный путь человечества пошел не той колеей, которой пошел? Если вечными ценностями были бы признаны ложь, подлость, наушничество и предательство? Если бы именно этим обозначились сияющие высоты? Ведь могло бы стать так? Что тогда?

— Представь, и эта, третья, ему изменила, — сказал Викентийч. — И третья ушла. Не жизнь — анекдот! Опять он один.

— А если начистоту, — сказал Семенович. — Я тоже ведь врал, притворялся, наушничал, подличал, предавал.

(Окончание на 8—9-й стр.).

К 73-й годовщине Революции мы попросили написать для нашей газеты прославленного кинодраматурга и писателя Евгения Габриловича, который старше не только Октября, но и нашего века. «О чем?», — спросил, принимая предложение, Евгений Иосифович. «О чем хотите», — ответили мы.

И он написал. Горько, мудро и светло.

— БОЖЕ мой, когда ж будет мир? — спросил кто-то из нас. Спросил не известно кого. Так, в воздух.

— Никогда, — ответил ему журналист Семенович. Ответил нехотя, скучно; у него болели зубы.

Впрочем, был он всего только сотрудником газеты «Трудовая инициатива». Не больше.

— ВРЕМЯ было такое! — говорят теперь многие, кто просуществовал в наш век. Кто врал, лицемерил, подлаживался, извивался, захлебывался в упоении в часы явления начальства народу. Говорил так и я, — подчеркнул журналист Семенович.

— Время было такое, — продолжал он. — И ведь это действительно так. Это время заклинилось в нас, прикипело, застыло. Уже в недавние, в наши дни я близко знаком с человеком, что был диссидентом в тяжелые времена (впрочем, с глазу на глаз с женой), который чешет сегодня на каждый митинг, где славится новое, и не уходит, пока не схлынет последний оратор. Но маячит как-то поодаль, вразброд, не в толпе, а словно бы сбоку. Будто случайно зашедший, вскользь, мимоходом. С пламенным взором, но с осторожной душой.

Не таков ли и я? Не таковы ли вы? Не такова ли Россия?

Впрочем, об этом я не стану писать в газету.

Так говорил Семенович.

В ТРЕТИ века внушали нам, что мы живем лучше, умнее, добрее всех на свете. Что наши улицы шире и чище, чем их Бродвей. Что наши жилища хоть и тесней, но добросердечней. Что нет никого на свете мудрей, доступней, народней наших вождей. Что наши штаны хотя не столь грациозны, но крепко сшиты, и нет ничего удобней и перспективней их.

Однако грохнула гласность, и высветилась истинная чистота наших улиц и качество наших брюк. И, побороздив по свету, я уже без опаски скажу: есть и на Западе всякое. И в людях, и в улицах. Есть умные, и есть дураки. Встречаются и попросту негодяи, при этом и среди бездомных. Всякое есть и во всяком. И у них, и у нас. И то, что свойственно мне, присуще и праведнику, и убийце.

Мать моя милая, до чего же мне стало легче творить, когда я это понял! Все это опять же слова Семеновича — так, между прочим, во время прогулки в районе Чистых Прудов. Газетчика Семеновича, напомним вам еще раз. Впрочем, нагие нынче газетчики!

Профессор, который много десятилетий переиздавал свой учебник о Ленине, варьировал его в зависимости от политической обстановки.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

ПРЕМЬЕРЫ ТЕАТРА И КИНО

4—5 страницы.

Личная жизнь. Галина ЯЦКИНА: ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ!

11 страница.

ФЕСТИВАЛЬ КАСКАДЕРОВ ЭКРАНА

13 страница.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ. Письма Марии Бабановой

15 страница.